

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Зигмунд Фрейд

ЦИВИЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ

Мастера психологии (Питер)

Зигмунд Фрейд

Цивилизация, культура, религия

«Питер»

УДК 159.96
ББК 88.32

Фрейд З.

Цивилизация, культура, религия / З. Фрейд — «Питер»,
— (Мастера психологии (Питер))

ISBN 978-5-4461-2309-4

«Отнять у народа человека, которым он гордится как величайшим среди своих сынов, – за такое дело берешься неохотно и не с легкой душой, тем более если сам к этому народу принадлежишь. Но никакие поучительные примеры не подвигнут меня отставить истину ради мнимых национальных интересов», – так начинается «Человек Моисей», последняя работа великого психолога. Сочинения, включенные в эту книгу, специалисты относят к позднему периоду, когда Фрейд совершает неожиданный поворот к теме религии. В первой работе он объявляет религию всеобщим неврозом, во второй – вглядывается в природу древнего ужаса и благоговения человека перед невыносимым божественным Отцом. Оба произведения представлены в переводе выдающегося филолога и философа В. В. Биbihина и дополнены его примечанием к последней работе Фрейда. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 159.96
ББК 88.32

ISBN 978-5-4461-2309-4

© Фрейд З.
© Питер

Содержание

Предисловие	6
Будущее одной иллюзии	18
I	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Зигмунд Фрейд

Цивилизация, культура, религия

Предисловие доктора философских наук, профессора Валерия Моисеевича Лейбина

© ООО «Прогресс книга», 2022

© Серия «Мастера психологии», 2022

© Бибихин В. В., перевод, 1988, 1992

© Лебедева О. Е., Лебедев Р. А., Бибихин В. В., Бибихин О. В., Бибихин Д. В., перевод, наследники, 2006

Предисловие

Фрейд, психоанализ и религия

В своем эпистолярном наследии и в своих трудах Зигмунд Фрейд (1856–1939) неизменно придерживался одной установки. Страстное стремление к раскрытию истины не сопровождалось у него предвзятым отношением к тому, что становилось объектом исследования и размышления. Это в полной мере относится и к его взглядам на религию, независимо от того, были ли они изложены до или после возникновения психоанализа. Суть подобной установки сводится к тому, что при всем своем осознании важного исторического значения религии в жизни человека и человечества Фрейд не мог следовать слепо традиционному миропониманию и человекознанию, обусловленному религиозными ценностями. Отсюда его критическое, но не лишенное уважения отношение к религии как таковой, когда он говорил о том, что запрет на мышление, к которому прибегает религия, отнюдь не безопасен ни для отдельного человека, ни для человечества.

В возрасте до трех лет у маленького Фрейда была набожная, придерживающаяся католической веры няня, бравшая с собой в церковь мальчика и рассказывавшая ему о Боге, рае и аде. Из биографических источников известно, что мальчик находился под большим впечатлением от увиденного и услышанного, а после посещения церкви пересказывал матери религиозные истории, читал дома проповеди и пытался по-своему толковать деяния Бога. В детстве он любил рассматривать красочно оформленные иллюстрации в прекрасном издании Библии, выполненные Л. Филиппсом. Позднее, когда Фрейду исполнилось 35 лет, отец подарил ему экземпляр этой, как он написал в дарственной надписи, Книги книг. Однако, будучи знакомым с детства с Библией и еврейскими обычаями, он тем не менее, используя выражение официального биографа Фрейда Эрнеста Джонса, вырос без веры в Бога. Сам Фрейд называл себя «совершенно безбожным иудеем», как это следует из письма швейцарскому пастору Оскару Пфистеру от 9 октября 1918 года.

Весьма показательны размышления двадцатилетнего Фрейда о религии, содержащиеся в одном из писем к невесте, датированном 23 июля 1882 года. Сообщая Марте о своем разговоре со старым евреем, к которому он обратился с заказом почтовой бумаги, на каждом листе которой гравер должен был поставить монограммы «М» и «З» (начальные буквы имени влюбленных), Фрейд изложил мысли человека, давшего истолкование нескольким религиозным заповедям, и высказал свои соображения по этому поводу. В частности, он писал о том, что действительно человечество верило в течение многих столетий и, следовательно, веру, религию ни в коей мере нельзя считать безрассудством, поскольку в религии есть некий высший смысл. «Влияние религии на сознание человека огромно, особенно когда религиозные, глубоко философские идеи перестали быть застывшими догмами. Они стали объектом глубоких научных размышлений и, конечно, оказали огромное влияние на мировое искусство, поэзию и литературу. Сколько гениальных мыслителей и поэтов черпали из религиозных сюжетов духовную пищу для своих творений. Даже если отвлечься от глубокого содержания религии, то надо признать, что ее необычайная одухотворенность и логическая стройность вдохновляли лучшие умы человечества»¹.

Но в этом же письме Фрейд одновременно выразил свое неприятие по поводу застывших религиозных догм, не допускающих критического мышления. Он подчеркнул: «Святое писание претендует исключительно на истинность и предполагает покорность и послушание верующих. Но все это никак не связано с неотъемлемым правом человека на сомнение и уж

¹ Фрейд З. Письма к невесте. М., 1994. С. 55.

тем более на ниспровержение каких бы то ни было авторитетов»². Эта житейская и исследовательская установка, заключающаяся в служении истине, сохранилась на протяжении всей деятельности Фрейда как применительно к психоанализу в целом, так и по отношению к религии в частности.

Первоначально сущность и происхождение религии рассматривались Фрейдом в связи со сравнительным анализом навязчивости и совершением верующими людьми религиозных обрядов. В работе «Навязчивые действия и религиозные обряды» (1907) он высказал мысль, что оба этих явления при всей их разноплановости в скрытой форме включают в себя подавление бессознательных влечений человека. Иными словами, в основе этих явлений лежит воздержание от непосредственного удовлетворения природных, главным образом сексуальных влечений, что и определяет их сходство. Отсюда его вывод, согласно которому навязчивые действия, навязчивый невроз можно рассматривать как патологическую копию развития религии, определив невроз как индивидуальную религиозность, а религию как всеобщий невроз навязчивых состояний.

С психоаналитической точки зрения Фрейда, религия выступает как защитная мера человека против своих собственных бессознательных влечений, которые в религиозных верованиях получают иносказательную форму удовлетворения, благодаря чему внутриспсихические конфликты личности, столкновения между сознанием и бессознательным, утрачивают свою остроту. Такое понимание религии совпало с ранней фрейдовской трактовкой культурного развития человечества, согласно которой в основе прогресса культуры лежит внешнее и внутреннее подавление сексуальных влечений человека. Фрейд исходит из того, что часть процесса подавления бессознательных влечений совершается в пользу религии, разнообразные обряды и ритуалы которой символизируют отречение человека от чувственных удовольствий, чтобы затем приобрести умиротворение и блаженство в качестве воздаяния за воздержанность от плотских наслаждений. Данная мысль была выражена им в работе «“Культурная” сексуальная мораль и современная нервозность» (1908). Размышляя на эту тему, Фрейд подчеркнул, что часть страстей, от удовлетворения которых отказались, приносилась в жертву Богу, и приобретенное таким образом общее благо было объявлено священным.

Под этим же углом зрения Фрейд рассматривал древние религии, в которых многое из того, в чем себе отказывал человек, было передано Богу и разрешалось только во имя Бога. Исповедующие эти религии древние народы как бы находили самих себя. Хотя в их сознании присутствовал лишь образ Бога, они как бы проецировали вовне свою внутреннюю бессознательную мотивировку, наделив Бога собственными внутриспсихическими качествами.

В основу психоаналитического понимания религии Фрейдом была положена способность человека к вытеснению, сублимированию бессознательных влечений, проецированию их вовне и символическому удовлетворению социально неприемлемых, запретных желаний. Во всяком случае, с самого начала своей исследовательской и терапевтической деятельности в качестве основателя психоанализа он придерживался того мнения, что «значительная доля мифологического мирозерцания, простирающегося даже и на новейшие религии, представляет собой не что иное, как проецированную во внешний мир психологию»³.

В работе «Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве» (1910) Фрейд делает следующий шаг в понимании религии. Прежде всего он усматривает тесную связь между комплексом отца и верой в Бога. По его убеждению, наработки в сфере психоанализа показали, что «личный Бог – не что иное, как возвеличенный отец»⁴. Кроме того, его размышления о природе и сущности религии привели к выдвижению идеи, согласно которой возникновение

² Фрейд З. Письма к невесте. М., 1994. С. 55.

³ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // З. Фрейд. Психология бессознательного. М., 1989. С. 297.

⁴ Фрейд З. Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве // З. Фрейд. Художник и фантазирование. М., 1995. С. 205.

религиозности связано с длительной беспомощностью человека, с рождения нуждающегося в защите и покровительстве. И, наконец, Фрейд высказал нетривиальную мысль о том, что религия как бы защищает верующего человека от невроза, что с позиции психоанализа вполне объяснимо. Другое дело, что, спасаясь от индивидуального невроза и не подозревая ни о чем, верующий человек может оказаться во власти коллективного невроза, проявляющегося в одержимости какой-либо религиозной идеей и агрессивным отношением к инакомыслящим, инаковерующим, вплоть до разжигания ненависти к ним.

Если раньше Фрейд провел аналогию между неврозом и религиозными ритуалами, то в книге «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии» (1913) он продемонстрировал значение онтогенетического и филогенетического развития в душевной жизни, провел параллели между невротиком и первобытным человеком, сведя то общее, что имеется между ними, к инфантилизму. Используя доступный в то время для анализа этнографический материал и опираясь на работу Дж. Фрезера «Тотемизм и экзогамия» (1910), он рассмотрел проблему боязни инцеста у дикарей и подчеркнул, что страх перед инцестом представляет собой типичную инфантильную черту и свидетельствует об удивительном сходстве с душевной жизнью невротиков.

В поле зрения Фрейда оказывается проблема табу как нечто святое с одной стороны и опасное, запретное – с другой. Примитивные люди имели амбивалентное отношение к запретам «табу». В бессознательном они хотели нарушить их, чтобы вновь испытать первоначальное наслаждение от своих деяний, но в то же время боялись совершить это, поскольку их страх был сильнее наслаждения. В основе табу лежало воздержание. Наиболее важными были два основных закона тотемизма, а именно: не убивать животного, ставшего тотемом, и избегать полового общения с родственными по тотему представителями другого пола.

Завершая свое исследование в книге «Тотем и табу», Фрейд попытался глубже понять истоки возникновения религии и с этой целью изложил свои соображения по проблеме инфантильного возвращения тотема. Так, в первобытной орде управлял жестокий праотец, обладавший единоличной властью над детьми и женщинами, насильственно подавлявший все попытки его сыновей вмешаться в его управление или изгнавший их из орды. Однажды изгнанные братья объединились между собой, убили и съели своего отца, положив тем самым конец отцовской орде. В акте поедания они как бы отождествились с ним и присвоили часть его силы. Но, утолив ненависть и отождествившись с ним, братья оказались во власти нежных чувств, что породило раскаяние и сознание вины. Они оказались в такой психологической ситуации, когда под воздействием нежных чувств сами наложили запрет на то, чего так усиленно добивались раньше. В результате осуществления психологического сдвига сыновья на место отца поставили тотем, объявили недопустимым убийство этого тотема как заместителя отца и отказались от освободившихся женщин. Так из сознания вины сына перед отцом были созданы два основных табу тотемизма: запрет на убийство животного-тотема и запрещение инцеста. Последнее имело важное практическое значение, поскольку способствовало сохранению человеческой организации. Первое сопровождалось попыткой создания религии. Отсюда конечный вывод Фрейда о началах происхождения религии из сознания вины сыновей как попытка успокоить это чувство и умиловить оскорбленного отца поздним послушанием, в результате чего все последующие религии были попытками разрешить ту же проблему.

В более поздних своих работах Фрейд рассматривал религию в качестве иллюзии, которая должна быть устранена. Данная точка зрения была предложена им в книге «Будущее одной иллюзии» (1927), где высказывалось положение о том, что человеку следует освободиться от религиозных иллюзий и опираться в своей жизни на науку.

Обычно исходят из того, что религиозные представления – это тезисы, высказывание о реальности, сообщающие человеку то, чего он не знает. Они требуют веры. Считается, что они информируют человека о самом важном в его жизни, и поэтому им дают высокую оценку. Но

почему, спрашивает Фрейд, человек непременно должен верить религиозным представлениям и религиозным учениям? Как правило, на это даются три ответа, далеко не всегда согласующиеся между собой. Эти ответы сводятся к следующему: *во-первых*, религиозные учения заслуживают веры, поскольку в них верили наши предки; *во-вторых*, имеются дошедшие до нас из древности свидетельства об их истинности и ценности; *в-третьих*, ставить вопросы подобного рода вообще запрещено, так как доказательства догматов веры не требуют от человека знания, а лишь исключительно веры.

Фрейда не устраивают подобного рода ответы на поставленные вопросы. Если существует запрет на доказательство, то тем самым обнаруживается беспочвенность притязаний религиозных учений. Почему мы должны верить только на том основании, что, будучи менее образованными, наши предки верили в то, что сегодня может вызвать сомнение? И наконец, дошедшие до наших дней свидетельства о религиозных учениях нельзя считать надежными, поскольку они носят на себе печать противоречивости, предвзятости, искаженности. Отцы церкви выдвинули кредо «Верую, ибо абсурдно». Но обязан ли человек верить в любой абсурд? Почему он должен верить именно в это абсурдное утверждение? Если один человек верит в истинность религиозных учений, то почему это должно распространяться на другого человека и какое значение имеет для остальных людей? Другое дело, что, несмотря на свою неподкреплённость разумом, такие учения действительно оказали значительное влияние на человечество. Но это уже не метафизическая, а психологическая проблема, требующая ответа на вопрос, в чем заключается сила этих учений и чем они обязаны своей независимости от доводов разума.

В понимании Фрейда религиозные представления являются не чем иным, как *иллюзиями*, в которых находит свое отражение реализация древних желаний человечества. Собственно говоря, к подобному пониманию он пришел до того, как начал работу над книгой «Будущее одной иллюзии». Сходные мысли были им высказаны, в частности, в работе «Массовая психология и анализ человеческого «Я» (1921), где он предпринял попытку рассмотрения двух масс людей – церкви и войска. Размышляя над этими двумя массовыми образованиями, основатель психоанализа отметил, что как в войске, так и в церкви «культивируется одно и то же обманное представление (иллюзия), а именно что имеется верховный властитель (в католической церкви – Христос, в войске – полководец), каждого отдельного члена массы любящий равной любовью»⁵. При этом он исходил из того, что «на этой иллюзии держится все»: Христос является заменой любящего отца для каждого члена верующей массы, предъявляемые отдельным людям религиозные требования покоятся на любви Христовой, верующие называют себя братьями по любви (братьями во Христе), которую питает к ним Христос.

Ранее выдвинутые и частично рассмотренные Фрейдом идеи о религиозных представлениях как иллюзиях нашли более глубокое осмысление в работе «Будущее одной иллюзии», где он в афористической форме заявил, что «тайна их силы кроется в силе этих желаний». Речь идет не о заблуждении, а именно об иллюзиях, происходящих из желаний человека и в этом отношении напоминающих собой бредовую идею в психиатрии. Различие между ними состоит лишь в том, что бредовая идея противоречит реальности, в то время как иллюзия не обязательно может быть ложной или противоречащей действительности.

Проведя подобную аналогию между иллюзией и бредовой идеей, Фрейд недвусмысленно заявил, что некоторые из религиозных учений настолько неправдоподобны, что их можно сравнить с бредовыми идеями. Никто не вправе заставить человека верить в них. Они недоказуемы, но, как признал Фрейд, и неопровержимы. Но если утверждения религии неопровержимы, то почему бы в них не поверить, коль скоро на их стороне стоит давняя традиция? Основа-

⁵ Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «я» // З. Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992. С. 278.

тель психоанализа не обходит молчанием подобного рода вопросы, считая, что в равной мере никого нельзя принуждать ни к вере, ни к безверию.

В самом деле, если религия – иллюзия, и в действительности не существует всемогущего Бога, являющегося не чем иным, как проекцией бессознательных желаний человека, то не лишаются ли многие люди того единственного утешения, которое они находят в религиозных учениях? Не подрываются ли тем самым основы жизнедеятельности людей, утрачивающих привычные представления о мире? Что можно предложить людям взамен религии, которую они ранее почитали и рассматривали в качестве высшей ценности для человека? Не приведет ли подрыв авторитета религии к вседозволенности и разгулу человеческих страстей, не сдерживаемых нравственными предписаниями? Стоит ли ради стремления к истине подвергать опасности человеческую жизнь, находящую спасение в религии?

Фрейд не игнорирует подобного рода вопросы. Напротив, он считает необходимым по возможности ответить на них. При этом исходит из того, что в его интеллектуальном предприятии по развенчанию религиозных иллюзий нет ничего опасного, поскольку он не был первым, кто предпринял подобную попытку, и фактически не сказал ничего нового, что не было известно до него.

В этом отношении Фрейд был прав, так как действительно задолго до него предпринимались аналогичные попытки, как это имело место, например, в работах немецкого философа Людвиг Фейербаха «Происхождение христианства» (1841), «Сущность религии» (1845) и «Лекции о сущности религии» (1851). В своих трудах Фейербах высказал такие мысли, которые в несколько иной форме были воспроизведены Фрейдом. В частности, немецкий философ писал о том, что Бог есть выражение Я человека, который, и в этом заключается тайна религии, «объективирует свою сущность». Бог – это «слеза любви, пролитая в глубоком уединении над человеческими страданиями», вера «объективирует всемогущество человеческого чувства, человеческих желаний», «желание есть источник, есть самая суть религии», религия – «младенческая сущность человечества», противоположность между божественным и человеческим – «только иллюзия»⁶. Немецкий философ также подверг критике суждения различных авторов, касающиеся необходимости веры в религиозные догматы и не требующие каких-либо доводов рассудка и разума.

В студенческие годы Фрейд имел возможность ознакомиться с работами Фейербаха, о чем убедительно свидетельствуют его письма к другу юности Э. Зильберштейну. В этих письмах он подчеркивал свой интерес к философии и выражал сожаление по поводу того, что его друг, изучающий право, отвергает философию, в то время как он сам, обучаясь на медицинском факультете, посещает философские курсы и читает работы немецкого философа Людвиг Фейербаха, которым восхищается больше, чем другими философами⁷.

Нет ничего удивительного в том, что, обратившись к рассмотрению религиозной проблематики, Фрейд высказал такие соображения, которые отчасти уже были изложены немецким философом. Правда, в работе «Будущее одной иллюзии» нет ссылок на Фейербаха, как, впрочем, и на других критиков религии, что объяснялось им тем, что он не хотел поставить себя в один ряд с ними. При этом Фрейд скромно заметил, что он всего лишь добавил к критике великих предшественников кое-какое психологическое обоснование, которое вряд ли произведет большее воздействие на людей, чем ранее приведенные аргументы о религии как иллюзии. Тем более, как подчеркнул основатель психоанализа, религиозно верующий человек никому не позволит лишиться себя веры.

Фрейд осознал, что публикация работы «Будущность одной иллюзии» может принести вред ему самому и его детищу – психоанализу, поскольку в ней выражены непопулярные

⁶ Фейербах Л. Избранные философские произведения, Т. II. М., 1955. С. 42, 43, 60, 154, 158, 451.

⁷ Цит. по: Clark R. Freud: The Man and the Case. – London etc., 1982, p. 34.

взгляды, которые могут быть восприняты как ниспровержение Бога, религии, нравственных идеалов вообще. Однако он исходил из того, что времена инквизиции, когда еретиков сжигали на костре, прошли, и подобная авторская позиция для него не опасна. Что касается психоанализа, то история его становления и развития всегда была трудной, сопровождалась неприятием ряда психоаналитических идей не только противниками, но и его сторонниками. Поэтому вряд ли стоит беспокоиться по поводу его дальнейшей судьбы.

Если религия характерна для детства человечества, то, переходя к зрелому периоду своего развития, оно может обойтись без религиозных верований. Если религия представляет собой общечеловеческий навязчивый невроз, соответствующий детскому неврозу, коренящемуся в эдиповом комплексе, то в период своего взросления человечество может перейти на новую стадию развития, точно так же как со временем ребенок проходит свой эдипов комплекс и находит иные, не родительские объекты любви и привязанности. С психоаналитической точки зрения, отход от религии в зрелом возрасте человечества является таким же естественным процессом, как и ее возникновение в период общечеловеческого инфантилизма.

Фрейд не был столь наивным, чтобы не понимать, что религия как социальный феномен не исчерпывается целиком и полностью теми аналогиями типа невроза навязчивости и иллюзии, к каким он прибегал. Он сам недвусмысленно писал о том, что индивидуальная патология не представляется нам никакой полной аналогией. Однако основатель психоанализа придерживался того взгляда, что признание исторической ценности религиозных верований не обесценивает его рекомендаций по исключению религии из арсенала человеческой культуры и замене ее наукой, основанной на разуме.

Но возникает вопрос: не является ли упование на науку и разум также своего рода иллюзией? Тем более что некоторые авторы, включая тех, кто придерживался психоаналитических идей, поднимали этот вопрос. В частности, швейцарский пастор Оскар Пфистер, опубликовавший статью «Иллюзия будущего», в которой высказал мысль, согласно которой именно ставка на науку является не чем иным, как иллюзией.

Фрейд не уклонился от ответа на данный вопрос. Действительно – и психоаналитическая практика наглядно демонстрирует это, – бессознательные влечения человека чаще всего берут верх над его сознанием, разумом, интеллектом, свидетельствуя тем самым об их слабости перед натиском человеческих страстей. Но Фрейд придерживается оптимизма относительно будущего человечества, поскольку голос интеллекта хотя и тих, но все же добивается своего положения в жизни. Подобная мировоззренческая позиция как нельзя лучше совпадала с терапевтической деятельностью основателя психоанализа, отраженной в известной максиме: «Там, где было Оно, должно стоять Я».

Судя по всему, Фрейд не испытывал удовлетворения от работы «Будущее одной иллюзии». Об этом свидетельствует, в частности, воспроизведенное в биографическом труде Эрнеста Джонса признание основателя психоанализа по поводу опубликованной им книги, сделанное в одном из писем венгерскому психоаналитику Шандору Ференци, где Фрейд писал о том, что теперь он думает по-другому, поскольку его работа «неадекватна как исповедь»⁸.

Дело в том, что в своей работе «Автобиография» (1935) Фрейд относится к религии по-новому, хотя и воспроизводит в книге «Недовольство культурой» (1930), лекции «О мировоззрении», написанной в 1932/33 гг., те же идеи, которые содержались в работах «Тотем и табу», «Будущее одной иллюзии». Речь идет о том, что он вносит новое думание о религии. «В “Будущем одной иллюзии”, – подчеркнул основатель психоанализа, – я говорил о религии в основном негативно; позднее я нашел формулу, которая более справедлива к ней: ее власть

⁸ Цит. по: Джонс Э. Жизнь и творение Зигмунда Фрейда. М., 1997. С. 385.

основана, вообще говоря, на истинном ее содержании, но эта истина не материального, а исторического свойства»⁹.

Четыре года спустя в работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939) Фрейд пояснял, что убеждение благочестивых верующих относительно «вечной истины», отраженной в идеи одного-единственного Бога, не лишено своих оснований. При этом он признал, что сам верит в то, что эта идея содержит истину, только не материальную, а историческую. В этом, собственно говоря, и состоит фрейдовское думание «по-другому», наиболее наглядно проявившееся в его работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» и состоящее в признании того, что религия опирается не только на иллюзию, но и на частицу исторической правды, придающей ей значительную эффективность в процессе воздействия на людей.

Фигура Моисея давно привлекала внимание Фрейда, поскольку, надо полагать, он читал работу берлинского психоаналитика Карла Абрахама, написавшего труд «Аменхотеп IV (Эхнатон). Психоаналитический вклад в понимание его личности и монотеистического культа Атона» (1912). В сентябре 1913 года в Италии он на протяжении трех недель ежедневно стоял в церкви Св. Петра перед мраморной статуей Моисея, делал различные зарисовки, предавался глубоким размышлениям, которые нашли свое отражение в анонимно опубликованной им работе «Моисей и Микеланджело» (1914). Фрейд обратил особое внимание на мельчайшие, необычные и своеобразные детали в статуе Моисея: положение его рук, наклон головы, гневное выражение лица, волнообразно спадающую бороду, расположение скрижалей. Большинство авторов придерживались точки зрения, согласно которой Микеланджело изобразил Моисея в определенный период его жизни, связанный со схождением с горы Синай, где он принял от Бога скрижали с заповедями и обнаружил, что во время его отсутствия евреи стали поклоняться золотому тельцу. Итальянский скульптор изобразил последний момент колебания Моисея, во взгляде и мощной фигуре которого отражено затишье перед бурей, когда герой готов бросить на землю скрижали и обрушить всю свою ярость на неверных. В библейской традиции Моисей изображен вспыльчивым человеком, склонным к бурному проявлению своих страстей. В приступе праведного гнева он заколол мечом одного египтянина и был вынужден бежать в пустыню. Микеланджело переработал мотив разбитых скрижалей, и вместо вспыльчивого человека, каким изображен Моисей в библейской традиции, в трактовке Фрейда предстает великий Моисей, который, будучи разгневанным, не только не разбивает скрижали, но, напротив, видя, что они могут разбиться, обуздывает свой гнев¹⁰.

Если работа «Моисей и Микеланджело» была опубликована анонимно в 1914 году, то в конце своей жизни Фрейд не только приступил к написанию книги «Человек Моисей и монотеистическая религия», но и опубликовал ее под своим именем в 1939 году. Это был тяжелый период жизни, когда в условиях нацистской Германии его книги были публично сожжены, психоанализ подвергся гонению, а большинство ведущих психоаналитиков было вынуждено покинуть Германию и Австрию, эмигрировав в другие страны мира, в основном в США. В этих условиях Фрейд не собирался публиковать данную работу, поскольку опасался, и не без оснований, что она встретит крайне враждебное отношение со стороны католической церкви. Именно об этом он писал своим друзьям, включая Макса Эйтингона, Стефана Цвейга, Луи Андреас-Саломе, когда сообщал им о своей работе над этой книгой.

При написании труда «Будущее одной иллюзии» Фрейд не высказывал своих опасений по поводу того, как будет воспринята его публикация, содержащая критику религии. В 1927 году была иная политическая обстановка, не предвещавшая последующих трагических для Австрии событий, связанных с нацизмом и широкомасштабным гонением на евреев. В середине 30-х годов положение коренным образом изменилось. Фрейд полагал, что только католи-

⁹ Фрейд З. Автобиография // З. Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992. С. 147.

¹⁰ Фрейд З. Психоанализ творчества: Леонардо да Винчи, Микеланджело, Достоевский. М., 2016.

цизм защищает от нацизма, и поэтому не хотел раздражать отцов католической церкви, враждебно настроенных против психоанализа, но с публикацией его работы способных запретить как практику психоанализа, так и публикацию психоаналитических трудов. В написанном до марта 1938 года предисловии к третьей части своей работы (первые две части были напечатаны в форме статей в психоаналитическом журнале «Imago», не рассчитанном на массового читателя) Фрейд подчеркнул, что внешняя опасность удерживает его от публикации и он будет хранить ее в тайне, пока не придет время, когда она «без опаски отважится выйти в свет».

Однако последующие события заставили изменить решение Фрейда не публиковать исследование о Моисее в форме книги. В марте 1938 года произошло вторжение нацистов в Австрию. Счет Фрейда в банке был конфискован, его сына Мартина неоднократно вызывали в гестапо для расспросов, а его дочь Анну продержали там целый день. Реальная угроза жизни близких ему людей была столь велика, что Фрейд не мог больше оставаться в Австрии. Благодаря поддержке друзей и влиятельных политиков ему с трудом удалось получить визу, и, сравнивая себя со старым Иаковом, которого дети привезли в Египет, в первых числах июня 1938 года он вместе с семьей покинул Вену. Находясь в Англии, в июне того же года Фрейд написал второе предисловие к своему исследованию Моисея. Не испытывая больше никаких внешних препятствий, но ощущая «неуверенность перед лицом своей собственной работы», он отважился на публикацию книги. При этом он отдавал себе отчет в том, что, как только его исследование Моисея будет переведено на английский язык и станет известным среди его новых сограждан, выразивших ему поддержку и теплый прием, он тут же лишится симпатии со стороны некоторых из них.

Фрейд предвидел тот враждебный прием, который будет оказан его публикации. И действительно, книга «Человек Моисей и монотеистическая религия» встретила неприятие, а подчас и открытое осуждение со стороны как представителей иудейского вероисповедания, так и некоторых коллег, отговаривавших патриарха психоанализа от подобной публикации. Об этом можно судить, например, по высказыванию специалиста по еврейской истории и библейским текстам Авраама Шаломы Иегуды. «Мне кажется, – писал он по поводу опубликованной книги о Моисее, – что я слышу голос одного из наиболее фанатичных христиан, выражающего свою ненависть к Израилю, а не Фрейда, который ненавидит и презирает фанатизм такого рода от всего сердца и изо всех сил»¹¹.

Почему же исследование Моисея вызвало такую негативную реакцию у многих современников Фрейда? Почему близкие ему по духу психоаналитики и друзья отговаривали его от данной публикации? Какие содержащиеся в работе предположения и заключения явились шокирующими для большей части людей, прочитавших этот труд?

В своей публикации Фрейд повторил, по сути дела, все предшествующие соображения о религии, которые им были высказаны ранее в таких работах, как «Навязчивые действия и религиозные обряды», «Тотем и табу», «Будущее одной иллюзии». Отцеубийство в первобытной орде, акт поедания отца сыновьями, последующий запрет на инцест, заповедь экзогамии, возникновение тотемизма как первой формы проявления религии, очеловечивание почитаемых существ и появление человеческих богов, фиксированность на пережитках прошлого и возвращение забытого спустя сотни лет, являющееся аналогом бредовой мании психотиков религиозного верования, религия как общечеловеческий невроз, мощное воздействие ее на людей, имеющее природу навязчивых невротических состояний, – все это нашло свое отражение в книге «Человек Моисей и монотеистическая религия». Но не эти повторения вызвали столь бурную реакцию протеста среди значительной части ее читателей.

Дело совсем в другом. А именно – в том, что с первых строк публикации становится ясно: автор намерен отнять у народа, которым он гордился как «величайшим среди своих сыновей»,

¹¹ Цит. по: Дадун Р. Фрейд, М., 1994. С. 242–243.

свое происхождение. По мере же чтения работы выясняется, что Фрейд собирается это сделать путем обоснования гипотезы, что человек Моисей, освободитель и законодатель еврейского народа, «был не еврей, а египтянин», давший еврейскому народу в Египте такую новую религию, которая «была египетской», и что цель исследования – внести в контекст еврейской истории «образ египтянина Моисея». Одного этого было уже достаточно для того, чтобы, не обращая внимания на приводимые Фрейдом аргументы в защиту своей гипотезы, не только выразить свое возмущение предательством «неверного еврея», но и обвинить его в кощунстве, в подрыве авторитета иудаизма, поскольку в книге утверждалось, что достигнутая греческим народом гармония в разворачивании духовной и телесной деятельности «оказалась евреям недоступна» и что в религиозно-историческом смысле «христианство было прогрессом», а иудейская религия «стала в какой-то мере окаменелостью».

Между тем ни о каком предательстве по отношению к иудаизму у Фрейда не было и речи. При случае он всегда подчеркивал свое еврейство. В первой же своей «Автобиографии» он отмечал, что его родители были евреями и сам он всегда оставался евреем.

Правда, Фрейд считал, что если бы, как он выразился в письме к Карлу Абрахаму 23 июля 1908 года, его звали Оберхубер, то его открытия «натолкнулись бы на гораздо меньшее сопротивление»¹². Однако он не только не отворачивался от своего иудаизма ради спасения психоанализа от всевозможных нападков, но и гордился своей принадлежностью к еврейскому народу, подбадривал своих коллег и призывал психоаналитиков-евреев к тому, чтобы они были готовы к той несправедливости, которая может быть проявлена по отношению к ним со стороны тех, кто насаждает антисемитизм. Так что основатель психоанализа не совершал никакого предательства по отношению к иудеям. Другое дело, что, будучи непреклонным поборником истины, он предпринял такую попытку беспристрастного исследования образа Моисея и развития иудаизма, которая не укладывалась в традиционные рамки еврейской истории и, естественно, не могла не вызвать неприятие и возмущение со стороны многих читателей опубликованного Фрейдом труда.

В рамках данного предисловия я не имею возможности подробно остановиться на той аргументации, которую привел основатель психоанализа в защиту своего предположения, согласно которому Моисей был египтянином, а иудаизм уходит своими корнями в одну из египетских религий. Заинтересованный читатель может наглядно убедиться в той виртуозности психоаналитического исследования, которая сопровождалась у Фрейда глубокомысленными размышлениями и сомнениями, широкими познаниями в области истории религии, ныне отсутствующих у многих психоаналитически ориентированных терапевтов и сосредоточившихся на изложении клинических данных. Воспроизведу лишь в обобщенной форме ход размышлений основателя психоанализа, выдвинувшего предположение о Моисее-египтянине.

Согласно рассмотренной Фрейдом исторической канве событий, в период правления XVIII династии Египет превратился в мировую державу, что не могло не отразиться на становлении новых религиозных представлений, особенно среди тех, кто стоял на вершине власти. В египетской религии того времени существовало множество богов, которым поклонялись египтяне. Приблизительно в 1375 году до Рождества Христова на трон взошел молодой фараон Аменхотеп IV, который ввел новую монотеистическую религию, в основе которой лежало представление о едином вселенском боге солнца Атоне как творце и хранителе всего живого. Введению этой религии противились жрецы, поклонявшиеся богу Амону. Противостояние между ними и молодым фараоном настолько обострилось, что Аменхотеп IV изменил свое имя. Вместо Аменхотепа, в первую часть которого входило имя бога Амона, он назвал себя Эхнатомом, во вторую часть которого вошло имя бога солнца Атона. Молодой фараон запрещал богослу-

¹² Цит. по: Энциклопедия глубинной психологии. Т. I. М., 1998. С. 60.

жения, связанные с Амоном, преследовал тех, кто поклонялся многим богам, перенес свое местожительство из Фив в новую резиденцию, назвав ее в честь бога солнца Атоном.

Однако правление молодого фараона длилось недолго. Его 17-летнее правление прервала смерть, имевшая место в 1358 году. Вызвавшая ранее недовольство среди жрецов и простого народа политика притеснения поклонявшихся Амону сменилась после смерти фараона гонением на религию Атона. Резиденция Эхнатона была разрушена и разграблена, фараон был объявлен вероотступником, религия Атона была упразднена, и жрецы сделали все для того, чтобы искоренить ее из памяти египтян. Зять фараона Тутанхамон вернулся в Фивы и заменил в своем имени бога Атона на Амона. В Египте восстановились старые религии, основанные на идее многобожества. Излагая историческую канву событий, Фрейд опирался на факты, почерпнутые им из различных источников, включая научные работы по истории Египта. Дальнейшее его исследование основывалось на гипотезах и предположениях, отчасти выдвинутых различными учеными, но в большей степени предложенные им самим.

Согласно Фрейду, среди приближенных к фараону Эхнатону был человек, во вторую часть имени которого входило египетское слово «мосе», означающее «дитя». Этот человек был наместником одной из провинций, где проживали культурно отсталые чужеземцы, некогда переселившиеся в те края и имевшие семитское происхождение. Он был знатен, честолюбив, энергичен, разделял убеждения молодого фараона и придерживался религии Атона. После кончины фараона, отмены его религии и развязывания соответствующих преследований со стороны жрецов он сблизился с чужеродцами, достиг соглашения с ними, встал во главе их и решил претворить в жизнь свои идеалы по основании нового государства. Вместе со своей свитой и новым народом он покинул Египет где-то в период между 1358 и 1350 годами. Будучи египтянином, подвергнутым обряду обрезания, он, Моисей, решил сделать его новый народ лучшей заменой своего прежнего народа, в знак освящения ввел обычай обрезания среди семитских чужеземцев и стал насаждать среди них идеи и ценности религии Атона.

Египетский Моисей стал вождем и законодателем тех, кого он повел за собой в новые земли, расположенные между Палестиной, Синайским полуостровом и Аравией. Он так решительно и сурово приобщал свой народ к религии Атона, что однажды этот народ взбунтовался, убил Моисея и отверг навязанную им религию. Соответствующее библейскому преданию сорокалетнее странствование по пустыне завершилось воссоединением с другими родственными им племенами в Кадеше. Возвратившиеся из Египта евреи приняли религию этих племен, основанную на почитании бога вулканов Ягве. Однако воспоминания о Моисеевском боге Атоне не исчезли бесследно. Внедряемая в свое время Моисеем идея единственного Бога по прошествии длительного времени вновь возобладала. Почитаемыми стали и заповеди Моисея, некогда привнесенные в мировосприятие тех, кто покинул вместе с ним Египет, и сохранившиеся в последующих поколениях в виде предания о великом прошлом. Со временем это предание приобрело значительную власть над умами евреев, привело к росту вины, что привело к видоизменению культа Ягве в направлении ранее отвергнутой Моисеевой религии и отсоединению от иудаизма христианской религии.

Воспоминание о совершённом в древности отцеубийстве вызвало неоднозначную реакцию. Еврейский народ, повторивший с личностью Моисея преступное деяние, отрицал совершённое отцеубийство. Иудаизм оставался религией Отца. Еврей Савл из Тарса, называвший себя римским гражданином Павлом, выразил прозрение об убийстве прообраза Бога и искуплении вины посредством жертвенной смерти Христа, тем самым оказавшись продолжателем и одновременно разрушителем иудаизма. Христианство стало религией Сына, где Бог Отец уступил место Христу, взявшему на себя покаяние и ставшему Богом, а представление о первобытном грехе скрывало отцеубийство и богоубийство. Блаженное избранничество еврейского народа в иудаизме стало освободительным искуплением в христианстве. Христианское уче-

ние о первородном грехе и искупление через жертвенную смерть вышло за рамки еврейства и вобрало в себя традиции и ритуалы других народов.

Таковы вкратце представления Фрейда об иудаизме и христианстве, содержащиеся в его работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» и вытекающие из выдвинутой им гипотезы, в соответствии с которой Моисей был египтянином, давшим евреям не только новую, египетскую религию, но и заповедь обрезания. Хотелось бы только обратить внимание на то, что в данной работе Фрейд, кроме гипотез и предположений, достаточно четко и в концентрированной форме изложил основные идеи клинического психоанализа, поэтому данное исследование можно было бы рекомендовать в качестве учебного пособия для начинающих аналитиков. Он не просто воспроизвел отдельные психоаналитические представления о природе психических расстройств, а в систематическом, хотя и лаконичном виде изложил, по сути дела, многое из того, что разбросано в его многочисленных публикациях. Особенно ценным в этом отношении является третий раздел его работы, озаглавленный «Моисей, его народ и монотеистическая религия».

Обобщающее изложение идей клинического психоанализа потребовалось Фрейду в связи с его убежденностью в правильности результатов, полученных с помощью психоаналитического метода исследования. Будучи неуверенным в том, что ему удалось продемонстрировать это на примере иудейского монотеизма, он вынужден был сосредоточить свои усилия на изложении психоаналитических положений и клинических данных, которые легли в основу подкрепления выдвинутого им тезиса о египетской религии, которую египтянин Моисей дал еврейскому народу. Необходимость обращения к психоаналитическим идеям и клиническому материалу обуславливалась, в частности, стремлением понять и объяснить те проблемы, которые, по мнению Фрейда, имели место в еврейской религиозной истории.

Как могло случиться, что отвергнутая при воссоединении евреев монотеистическая религия Моисея, сменившая поклонение богу Ягве и поддерживаемая на протяжении нескольких поколений, вдруг вновь обрела свою силу и возобладали среди еврейского народа? Почему в процессе дальнейшего еврейского религиозного развития бог Ягве утратил свою привлекательность, а восходящий к монотеизму Эхнатона Моисеев Бог не только ожил у евреев нового поколения, но и оказался усвоенным целым народом? Каким образом можно объяснить существующий в священных книгах пробел между первоначальным законодательством Моисея и позднейшей еврейской религией, то есть пробел, который относится к культу бога Ягве, но всячески сглаживался в Священном Писании?

При ответах на эти вопросы Фрейд как раз и обратился к клиническому материалу, способствующему пониманию того, как, когда и почему в процессе развития человека возникает то, что в психоанализе было названо латентным периодом, инфантильной травмой, травматическим неврозом, возвращением вытесненного из сознания материала. Причем возвращение вытесненного, которое в традиции еврейского монотеизма повторилось второй раз, обусловленного не только личными переживаниями, но и традицией, связанной с элементами филогенетического происхождения, то есть с архаическим наследием. При этом архаическое наследие и сохранение остаточной памяти позволяет навести мост между индивидуальной и массовой психологией.

История возникновения еврейского монотеизма тесно связана с возвращением забытого, некогда вытесненного в бессознательное, но сохраненного на протяжении длительного периода латентности. Воплощенная в заповедях Моисея, позднее отвергнутая, но сохранившаяся в устных и письменных сообщениях религиозная традиция смогла со временем возвратиться к евреям и оказать значительное воздействие на них потому, что пережила судьбу вытеснения и пребывания в бессознательном.

Таковы размышления Фрейда по поводу истории еврейского монотеизма, вытекающие из выдвинутой им гипотезы о египтянине Моисее и основанные на психоаналитическом видении

причин возникновения невроза, латентном периоде развития человека, возвращении вытесненного бессознательного в психике индивида и традициях человечества. И, как бы ни воспринимались эти размышления современниками, нередко с высоты своего нарциссического превосходства поглядывающими на своих предшественников, вряд ли стоит сбрасывать со счетов представления основателя психоанализа о глубинах не поддающихся непосредственному наблюдению и эмпирической проверке процессов, протекающих в недрах онтогенеза и филогенеза.

*Валерий Лейбин,
профессор кафедры основ клинического психоанализа Московского
института психоанализа,
доктор философских наук*

Будущее одной иллюзии

Впервые опубликовано в журнале «Вопросы философии» (1988, № 8). Впоследствии перевод был включен в состав сборников «Сумерки богов» (М., 1989) и «Зигмунд Фрейд. Психоанализ. Религия. Культура» (М., 1992).

I

Если долгое время живешь внутри какой-то определенной культуры и неоднократно принимаешься исследовать, какими были ее истоки и путь развития, то рано или поздно чувствуешь искушение обратить взор в другом направлении и поставить вопрос, какая дальнейшая судьба предстоит этой культуре и через какие перемены ей назначено пройти. Вскоре замечаешь, однако, что подобное разыскание с самого начала оказывается во многих отношениях ущербным. Прежде всего потому, что лишь немногие люди способны обозреть человеческую деятельность во всех ее разветвлениях. Большинство поневоле вынуждено ограничиться одной, отдельно взятой, или несколькими областями; а чем меньше человек знает о прошлом и настоящем, тем ненадежнее по необходимости окажется его суждение о будущем. Во-вторых, потому, что как раз в такого рода суждении субъективные упования индивида играют роль, которую трудно переоценить; упования же эти неизбежно зависят от чисто личных моментов его собственного опыта, от большей или меньшей оптимистичности жизненной установки, которая диктуется ему темпераментом, успехом или неуспехом его усилий. Наконец, дает о себе знать то примечательное обстоятельство, что люди в общем и целом переживают свою современность как бы наивно, не отдавая должное ее глубинному содержанию: они должны сперва неким образом взглянуть на нее со стороны; то есть современность должна превратиться в прошлое, чтобы мы смогли опереться на нее в своем суждении о будущем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.